

посвященных и угодить нездешним силам благоприятным совершенном славословий и действий, надо, чтобы маг этот родился в результате инцеста. Обряд нечестив, но истинное кровосмешение запретно и страшно. Но разве тайны богов не запретны и не страшны? У *Катулла* тайна открыта сыну, а не грешнику. Но в мире мифа это безразлично. Маг — ремесленник, знающий *Слово*. Он — сын ремесла; ремесло — его мать *τέχνη* — ремесло и магия — женского рода). Но именно с ремеслом мастер-ремесленник-маг вступает в недозволенное соитие-инцест — сын с матерью (19726, с. 95—96). Вспомните теперь страшный рецепт *Арнольда из Виллановы* о семи сыновьях-металлах, которые должны переспать со своей матерью — первоматерней, дабы... Мифологема кровосмесительного брака не просто взята алхимией напрокат, но в ней укорошена в качестве структурного её первоэлемента. (А может быть, просто сравнение или аллегорическое иносказание?)

Событие, происходящее в алхимии как мифе, происходит каждый раз непосредственно, сиюминутно. Оно и уникально, и всеобще одновременно. Таково главное событие алхимического мифа — *трансмутация металла* от несовершенства к совершенству. Время остановлено. *Гермес* чаял о том же, о чем и *Рипли*, а этот последний — о том же, что и *Парацельс*, что и нынешний хемоокультист. Временные несоответствия видятся сквозь пальцы. Единство двоятся. Двойственность укрупняется до целого. (Вспомните алхимического *ребуса*). Взаимозаменяемость частей торжествует, оставаясь при этом сакральной тайной — низ и верх *Гермесовой скрижали*. Вера в трансмутацию беспомощна, но этим и сильна. Все тождественно только себе. Случившееся дважды или многожды случилось лишь один-единственный раз. Зато раз и навсегда. Мышление в мифе — «отсечное» мышление, причем отсеки действуют как целое, не соприкасаясь друг с другом. Поэтому детерминированность явлений в мифе иная, не совпадающая с причинно-следственными обусловленностями мышления нового времени. *Афродита родилась из пены морской*. Но *морская пена* — это *сперма брошенного в море огромного фалла, принадлежащего Кроносу*. Эти два события в мифическом сознании живут порознь, но и сосдины, ибо доподлинно известны древнему греку, мифотворцу и мифожителю одновременно³. Крестоносцы отлично знают, что галилейский учитель был распят именно в I веке. Но с не меньшей убежденностью тот же крестоносец, разя сарацинов близ Иерусалима в XII веке, уверен в том, что именно эти — из XII века — сарацины распяли спасителя⁴. *Золото* и *железо* — независимые творения бога. Это точно знает алхимик. Вместе с тем *железо* — еще не пресуществленное *золото*. И эта предпосылка движет всеми помыслами алхимика, хотя первая, ее исключаящая, живет в его христианско-демиургическом сознании. Тогда бог тождествен самому алхимику. Предмет и понятие об этом

³ Пример подсказан Б. С. Грязновым.

⁴ Представления о времени в средние века превосходно изучены А. Я. Гуревичем (1972, с. 84—138).